

Лолита, свет моей жизни, огонь
моих чресел. Грех мой, душа моя.
Ло-ли-та: кончик языка совершает
путь в три шажка вниз по нёбу, что-
бы на третьем толкнуться о зубы. Ло.
Ли. Та.

Владимир Набоков «Лолита»

...И тебе самой оружие пройдет
душу, — да откроются помышления
многих сердец.

*Пророчество святого
Симеона Богоприимца*

ЧАСТЬ I

Утреннее солнце не было назойливым, но явно готовилось к подлости, обещая нестерпимый полуденный зной. Глядело на землю, расслабляясь улыбочиво — не время еще, не время, отдыхайте пока, люди-человеки... Наслаждайтесь пением птиц, ветерком и ультрафиолетом, страшно полезным об эту пору. А ближе к обеду — ужо я вас. Кто не спрятался, я не виновато.

Люди наслаждались, как умели. Всяк по-разному наслаждался. А кто и вообще не замечал ни пения птиц, ни ветерка, ни уж тем более ультрафиолета, страшно полезного об эту пору. Буднее выдалось утро, для большинства людей торопливо бестолковое, озабоченное добыванием хлеба насущного. А что делать, если отсутствие хлеба насущного — еще большая подлость, чем грядущий нестерпимый полуденный зной?

Но были и такие, кто и впрямь наслаждался по всем гедонистическим установкам, то есть обстоятельно и со вкусом, неторопливо усваивая

ВЕРА КОЛОЧКОВА

халявно полезный ультрафиолет. Вот эта парочка, например, с комфортом расположившаяся у бассейна в шезлонгах. Странная на вид парочка — мужчина хоть и вальяжный, но явно в летах, а девушка совсем юная... Почти дитя. Невысокого роста, белокожая и белобрысенькая, и такая тоненькая, что можно насквозь проткнуть ударом солнечного луча. Олицетворение нежности, а не девушка. Таких девушек или на руках носят, или уничтожают в ярости, потому что у них, у земных мужчин, ярость и нежность, бывает, сочетаются странным образом...

Но неужели эти ловцы утреннего комфорта — отец с дочерью? Вроде не похож этот вальяжный на отца. Потому что настоящие отцы на дочерей так не смотрят. Надо же, какой странный взгляд — похлеще полуденного зноя. То ли страданием полон, то ли счастьем до ужаса нестерпимым... Если еще страдания поддать, и впрямь до ярости дело дойдет. А впрочем, не пристало светилу вглядываться в отдельные человеческие лица. Лиц много, а светило — одно. Кто бы вы ни были — вообще без разницы. Так, если позволить себе пару минут праздного солнечного любопытства... Послушать, о чем они говорят...

Ага. И голосок у девушки тоже нежный, вон как прозвенел колокольцем в сторону вальяжного:

Умягчение злых сердец

— Фил... Можно, я в бассейне поплаваю?

— Конечно, Таечка... Зачем спрашиваешь? Отныне ты здесь хозяйка, делай что хочешь.

— Извини, я не успела привыкнуть... Разве можно за два дня привыкнуть?

— Да, конечно, я понимаю, милая. Сразу привыкнуть трудно. Тем более у тебя стресс после школьных выпускных экзаменов еще не закончился. Трудно выйти из одной реки и сразу войти в другую, а у тебя так и получилось — от школьной парты сразу в замужество прыгнула. А я тебя поймал...

— Да, поймал... — эхом-колокольцем откликнулась Тая, выбираясь из шезлонга. — Пойду искупаюсь...

— Иди, милая, иди. Возвращайся быстрее, я буду скучать.

Мужчина поморщился, услышав нотки смешливого подобиоэрастия в своем голосе. Хотя и смешливое оно, а все равно похоже на козлиный трепет. Надо бы научиться придерживать в себе подобиоэрастие. И сердце придерживать, чтобы не бухало счастьем до одурения. Но как, как его придержишь? Все равно бухает, зараза, и ничего с ним не сделаешь!

Ах, как она идет, Таечка, девочка... Какая чудная грация движений! Тут и нежность, и угловатость, и подростковая неловкость от того, что

ВЕРА КОЛОЧКОВА

чувствует на себе его взгляд... А как прелестно косолапит, ступая босой ногой на теплую плитку! Нет, это невыносимо, в конце концов. Сердце плавится избытком счастья, тает, как свеча. Таечка моя, Таечка. Сердце тает от Таечки...

Оп! Нырнула рыбка в бассейн, поплыла. И впрямь косточка рыба — тонкая и гибкая, будто насквозь просвеченная солнцем. Волосы мокрые прилипли к щекам, убрала их быстрым небрежным жестом. Да и волосы у нее тоже необыкновенные — природная платина, редкий оттенок. И на ощупь нежные и гладкие. За что, за что ему такое счастье, господи? Наверное, бывают минуты, когда с приступом счастья труднее справиться, чем с несчастьем.

Мужчина вздохнул, грузно перекинул ногу на ногу. И вдруг увидел себя со стороны — сидит пузатое чудовище, пускает слюни в сторону бассейна, где плещется юная белорыбица, совсем голову потерял. Давно надо было на диету сесть и спортом заняться! Понятно, что все свободное время бизнес отнимает, но теперь, когда Таечка рядом... А впрочем, ладно. И так сойдет. И не такое уж он чудовище, если по большому счету. Голова, конечно, седая, но не лысая же! И вообще, не пристало в его возрасте голодом себя морить да по тренажерным залам скакать. А живот можно в себя втянуть, если постарать-

Умягчение злых сердец

ся. А может, и этого не надо. Говорят, в поздней мужской зрелости есть своя прелесть, тем более в зрелости ранней он был красавцем. А качество никуда не исчезает, оно перерастает в другое качество, гордо именуемое солидностью. Ничего, ничего... Найдется еще порох в пороховницах, на ближайшие годы для счастья хватит. И деньги найдутся, и порох...

Мужчина прикрыл глаза, недовольно дернул уголком рта. Надо же, каким киселем поплыл, уже и внешностью озаботился! Смешно! Это он-то, Филипп Рогов, которого каждая собака в этом городке боится! А все Таечка... Девочка-рыбка...

Со стороны дома уже поспешала Татьяна, держа на вытянутых руках поднос. Лицо ее было равнодушным и сосредоточенным. Хорошая домработница, ни одного любопытного взгляда в сторону Таечки себе не позволила, ни одного лишнего вопроса не задала. Хотя могла бы... Привыкла ведь, наверное, что он бобылем живет. А тут раз — и юная хозяйка на голову свалилась. «Надо будет поговорить потом с Таечкой, научить, в какой тональности следует общаться с Татьяной. Чтоб никакой лишней демократии себе не позволила, только короткий приказ — принеси, подай, сделай. А по-другому никак...» — подумал Филипп.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Татьяна поставила поднос на низкий столик между шезлонгами, взяла в руки кофейник, собираясь разлить кофе по чашкам.

— Не надо, я сам... — небрежно махнул он рукой, не отрывая взгляда от бассейна. — Ты свободна, Татьяна. Иди.

Женщина распрямилась, молча пошла по дорожке к дому. Было в ее движениях что-то автоматическое, хотя и не без нотки достоинства; так прислуга в богатом доме несет в себе горделивое осознание сопричастности к хозяйскому богатству.

— Таечка, завтракать! — весело крикнул в сторону бассейна Филипп. — Хватит плескаться, вылезай! Кофе остынет!

Девушка оперлась руками о край бассейна, ловко вынесла из воды свое рыбе тельце, потрясла головой, отгоняя с лица мокрые белые прядки. Мужчина смотрел на нее завороченно, словно не хотел упустить ни одной, даже самой незначительной детали этого действия. Вот она еще раз тряхнула головой, вот провела по плечам, по животу ладонями, сгоняя с себя воду, вот пошла по дорожке, оскальзываясь на гладкой плитке мокрыми ступнями и неуклюже держа равновесие. Ближе к нему, ближе... Наконец плюхнулась в шезлонг, жадно припала губами к стакану с апельсиновым соком.

Умягчение злых сердец

А Филипп все смотрел на нее, забыв про кофе. Много чего было в этом взгляде — и обожание, и страсть, и неизбывная мука, и даже что-то звериное, стерегущее каждое движение своей драгоценной добычи. Вот «добыча» поставила на поднос пустой стакан, произнесла тихо, не глядя на него:

— Фил, у тебя мобильник...

— Что, Таечка?

— Мобильник давно надрывается.

— Да? Да, конечно. Как это я не услышал! Я с тобой рядом про все забываю. И как мило ты меня называешь — Фил... Мне нравится!

— Но ты же сам просил, чтобы я тебя так называла.

— Серьезно? А я не помню... погоди, сейчас на звонок отвечу.

Филипп наклонился, выудил мобильник из кармана махрового халата, небрежно брошенного на траву рядом с шезлонгом.

— Да, слушаю... Да, я Рогов Филипп Сергеевич. Документы готовы? Что ж, это замечательно. Да, я сегодня приеду, все подпишу. Когда? Часа через два... Или три... Да, до встречи. Отбой.

Он говорил резко, слегка раздраженно, хотя новости, в общем, были хорошие. Все идет по плану, как и следовало быть. Просто ему каза-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

лось, что деловые разговоры рядом с Таечкой были, ну... Не совсем уместны, что ли. Оскорбляли мучительное и прекрасное созерцание.

Тая смотрела на него сквозь ресницы, пока он говорил. Потом прижала к губам фалангу указательного пальца, свела к переносью белесые бровки. Чем-то озадачилась, стало быть.

— Что, Таечка? Что тебя так потревожило?

— Нет, ничего... Значит, я тоже буду Рогова, да? Когда мы распишемся?

— Конечно... А что не так? Тебе фамилия моя не нравится?

— Да нет... Мне все равно, в общем. Пусть будет Рогова.

Девушка улыбнулась, отвела взгляд. Казалось, все ее внимание сосредоточилось на солнечных бликах, играющих голубой водой бассейна. Филипп налил себе кофе, глотнул, недовольно дернул уголком рта. Кофе был едва теплым.

Филипп Рогов терпеть не мог теплого кофе. Как не мог терпеть всего, что являлось поводом для досады. И само чувство досады терпеть не мог. Но рядом с Таечкой... Пусть. И кофе может быть едва теплым. Да пусть даже холодным — не важно. А недовольство пришло из той жизни, в которой не было рядом Таечки. То есть она была, но... Не рядом.

Умягчение злых сердец

Вдруг Таечка повернула в его сторону голову, спросила резко:

— А моя мама тоже в бассейне купалась, да?

Рука от неожиданности дрогнула, кофе выплеснулся на пальцы. Филипп медленно потянул руку с чашкой к подносу, будто специально тянул время, потом долго и тщательно протирал пальцы салфеткой. Наконец ответил ровным тихим голосом:

— Тогда бассейна еще не было, Таечка.

Она должна была услышать его тихое недовольство. Но не услышала. Или не захотела услышать. Взгляд ее был хоть и пуглив, но упрям.

— Фил... Ты мне никогда не рассказывал, как мама умерла...

Недовольство в глазах мужчины плеснулось уже более основательно, хотя голос по-прежнему звучал нежно, с теми же подобострастными нотками:

— Таечка, но что я должен рассказывать? Ты же сама все прекрасно знаешь... Твоя мама была больна, умерла от сердечного приступа. Что же делать, Таечка, никто не виноват, это судьба. И вообще, мы с тобой много раз это обсуждали.

— Это ты обсуждал. Я не обсуждала.

— ...И обо всем договорились, помнишь? Мама там, на небе, радуется за тебя. За нас...

— За нас?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну да. Я очень люблю тебя, я сделаю тебя счастливой... Каждая мать хочет счастья своей дочери.

— Да, я понимаю, Филипп. А только... Если бы мама была жива? Как бы она отнеслась к нашим... К нашей скорой свадьбе?

— Не знаю, Таечка. В вопросах жизни и смерти не существует сослагательного наклонения. Мне кажется, ты задаешь глупые и нелепые вопросы.

— Почему глупые и нелепые?

— Потому что мамы больше нет... Давно нет... И я не хочу, чтобы ты на этом зацикливалась. Потому что это и для тебя неправильно, и для мамы... Отпусти маму, не думай о ней.

— Но я не могу...

— Тая! Что с тобой, девочка моя? Нет, я понимаю, если бы мама недавно умерла... Но десять лет прошло! И ты уже не ребенок! Не ожидал от тебя.

— Не сердись, Филипп. Извини, я больше не буду.

Тая отвела глаза, обхватила себя руками за плечи, поежилась. Потом, будто преодолевая внутреннее смятение, быстро проговорила:

— Я больше не буду, Филипп, правда! Ты только расскажи, как она умерла. Вернее, где она умерла. В какой комнате... Я должна

Умягчение злых сердец

знать. Не понимаю почему, но мне это важно... В спальне? В гостиной? В твоём кабинете? Где, Филипп?

Рогов молча поднялся, накинул на плечи халат. Может, слишком поспешно поднялся, и сам увидел со стороны эту трусоватую поспешность, и разозлился на себя, и с трудом закамуфлировал злость крайне озабоченной интонацией голоса:

— Извини, Таечка, но я должен уехать... А ты привыкай тут, осваивайся. Помни, что это твой дом, отныне ты здесь хозяйка.

— Хорошо... — вяло улыбнулась Таечка, от-
вернувшись.

— Не грусти, я ненадолго... После обеда вер-
нусь. А может, и к обеду успею.

— А можно я с тобой?

— Я еду по делам.

— Ну и что? Ты будешь делами заниматься, а я просто по городу погуляю.

— Это плохая затея, Таечка. Тем более день будет очень жарким. Пыль, духота... Но если тебе очень хочется прогуляться... Давай в другой раз, договорились?

— Хорошо, в другой раз. Но мне правда очень хочется посмотреть на город.

— В этом городе нет ничего интересного, уверяю тебя.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да, наверное. Но здесь жила моя мама... Как ты думаешь, ее кто-нибудь помнит? Она ведь здесь выросла, школу окончила... Были же у нее какие-то одноклассники, знакомые.

— Вряд ли кто-то ее здесь помнит, милая. Столько времени прошло. Тем более и спросить не у кого. Я не знаю ни одной подруги твоей мамы. А может, никаких подруг у нее и не было. Ни подруг, ни знакомых, ни родственников.

— Так не бывает, Филипп.

— Бывает. Она ведь была сирота, ее бабушка вырастила. Но бабушка давно умерла... Ты и не помнишь ее, наверное.

— Почему же? Я помню бабушку, только очень смутно. Скажи, Филипп... А ты маму любил?

— Таечка, Таечка... Не надо мучить вопросами ни себя, ни меня. Я должен ехать, времени нет ни минуты. И я очень прошу — не спрашивай больше про маму, хорошо? Ты уже не ребенок, должна понимать... Мне тяжело отвечать на твои вопросы. И тебе тяжело.

— Да, я понимаю. Тебе тяжело, мне тяжело. И все же...

— Все, Таечка, все! Мамы давно нет. А мы есть. И мы в этом не виноваты. Твоя мама очень хотела, чтобы ты была счастлива. И ты будешь счастлива. Я все сделаю для этого, доверься мне.

Умягчение злых сердец

Просто — доверься, ничего более. Ты меня услышала, Таечка?

Последний вопрос прозвучал с легким, но все-таки ощутимым нажимом, и девушка невольно втянула голову в плечи, глянула на Филиппа испуганно. Видимо, ей была знакома природа легкого, но ощутимого нажима в голосе этого мужчины.

— Да, я тебя услышала, Филипп, — произнесла она с тихой покорностью.

Рогов ничего не ответил, быстро пошел прочь, придерживая на груди халат. Через полчаса, свежесбривший и одетый в светлый льняной костюм, он уже сидел в машине на месте рядом с водителем, крупным бритоголовым детиной неопределенного возраста.

— Привет, Клим.

— Доброе утро, Филипп Сергеич. Куда едем?

— В администрацию.

— Понял...

Первые три минуты ехали молча. Рогов смотрел в окно на примелькавшийся и давно поднадоевший пасторальный пейзажик. Но надо отдать пейзажику должное — очень был симпатичный, хоть картину с него пиши. А что? Вполне... Вот она, милая природная пастораль, выдержанная в лучших традициях среднерус-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ской возвышенности с ее широколиственными лесами, мощными черноземами и характерными, если уж полностью соблюсти географический официоз, континентально климатическими условиями. Вон там, за небольшим оврагом, будет дубовая прелестная рощица, потом дорога пойдет по холму, откуда мелькнет стеклянным изгибом речка, потом покажутся вдаль первые городские строения. Да, когда-то он сам выбирал место для своей усадьбы. Тщательно выбирал. Так, чтобы не в городе, чтобы не дышать его плебейской пылью, но и чтобы город был недалеко, на расстоянии пешей доступности. Раньше и впрямь позволял себе в охотку пройти, размять ноги, подышать полной грудью. Что такое для крепкого здорового мужика семь километров? Сплошное удовольствие — походя отмахать. Раньше вообще все было по-другому. Не было этих тяжелых оков, этой мучительной и счастливой неволи. Этого страха дурацкого не было.

— Хм, одноклассники... Почему вдруг?.. Зачем?.. — тихо пробормотал Рогов себе под нос, вспоминая давешний разговор с Таей.

— Что, Филипп Сергеич? — с готовностью переспросил Клим, чуть повернув голову и не отрывая взгляда от дороги.

Умягчение злых сердец

— Ничего... Это я сам с собой разговариваю.

— А... Понятно. Я думал, чего спросить хотите.

— Слушай, Клим... А ты не знаешь, где сейчас Настины одноклассники? Чем занимаются? А главное, этот?.. Ты понимаешь, о ком я говорю.

Клим едва заметно кивнул. Понимаю, мол. И чуть помедлил с ответом — наслаждался сопричастностью к общей с хозяином тайне.

Клим очень давно служил у Рогова. Преданно служил. Пожалуй, преданность была его единственным человеческим качеством, по которому он себя оценивал. Преданность и служение — что еще нужно для человеческого существа, наделенного недюжинной физической силой и обиженного отсутствием интеллекта, хоть самого мало-мальского? Шутница-природа уж так распорядилась, что поделает. Наверное, специально для Рогова расстаралась, образуя материал для тандема. Как минус притягивает плюс, так приказ притягивает желающих исполнить его безоговорочно. Так и Клим был хозяину предан без лести. По крайней мере, отсутствие заднего умысла в проявлении преданности демонстрировал истово, шибко и с удовольстви-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ем, почти как граф Аракчеев царю Александру Первому.

— Да что тем одноклассникам сделается, Филипп Сергеич, — протянул Клим интимно вальяжно, — все живы да здоровы, тянут свою жизнь помаленьку.

— А ты откуда знаешь?

— Так знаю, как не знать. Вы ж мне тогда сказали за ними приглядывать, вот я и приглядывал. Особливо за одноклассником.

— Ишь ты! Молодец...

— Стараюсь, Филипп Сергеич.

— Ну и как они?

— Да нормально, чего. Севка Марычев родителей похоронил, наследство справил, домишко купил на окраине города. Ничего такой домишко, жить можно. Жена его Светка совсем отошла к возрасту, страшная стала, как атомная война.

— Да какой там возраст... Ты о чем? Они ж вроде молодые еще!

— Да какие молодые? Десять лет прошло, Филипп Сергеич.

— Да, десять лет прошло... Вернее, пробежало...

— Ну да. Тайке ведь сейчас около восемнадцати? А Насте было двадцать семь, когда она того... Померла то бишь. Вот и считайте... Если

Умягчение злых сердец

Насте было бы сейчас тридцать семь, то и Севке Марычеву сейчас тридцать семь. И Светке, жене его, столько же. Они ж одноклассники, все с одного года.

— Да понял я, понял! Что ты мне разжевываешь?

— Так это я к тому, что не шибко они молодые. Не такие резвые, как тогда.

— Ладно, понятно. Давай без уточнений. Значит, у них все хорошо, да?

— Ну вроде того. Сын у них вырос, между прочим. Хороший пацан получился, бойкий, на мотоцикле гоняет. В том году школу окончил, собирался в институт поступать, да не поступил, видно.

— Так вроде сейчас не проблема?.. Деньги плати, и будет тебе счастье высшего образования.

— Ну да... Только я ж объясняю — пацан у них шустрый, с характером и сам не захотел за родительские деньги такого счастья. Сказал, что на учебу себе заработает. Весь год на вашем заводе вкалывал, между прочим.

— Да? А я и не знал.

— Так вам и не надо, Филипп Сергеич. Зачем? Вы ж не обязаны каждого работягу в лицо знать?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну да, ну да... Как, говоришь, его зовут, этого парня?

— Так Марычев Тарас...

— Молодец, Марычев Тарас. Уважаю таких упертых. Надо распорядиться, чтобы ему премию подкинули, пока я завод не продал.

— А что, покупатель уже есть?

— Есть, есть...

— Наш, местный покупатель-то?

— Нет, из Питера. Все документы уже готовы, остались небольшие формальности... А вообще, не задавай много вопросов, иначе сглазишь!

— Понял, прошу пардону.

— Слушай, Клим... А эта, как ее... Забыл, как зовут. Милиционерша, тоже одноклассница... Она еще в дом приходила, когда Настя умерла, помнишь? Ну, типа дознание проводила...

— Да как не помнить, я все помню, Филипп Сергеич. Ее Кирой зовут. Кира Стрижак. Она и меня тогда допрашивала. Смешная такая, шибко-шибко серьезная, у-у-у... Молоко на губах не обсохло, а туда же... Она ж тогда только-только после института в нашу ментовку пристроилась, мамка ей местечко подогрела. Мамка-то у нее много лет следаком работала, я эту мамку хорошо знаю, было дело, встречались... Ух, сердитая баба, ушлая, как мужик...

Умягчение злых сердец

— Ладно, ладно, знаю я про твои дела. Она, что ли, тебя на первую ходку отправила?

— Не, в этом не грешна, врать не буду. Тогда другой следак у меня был. А она, помню...

— Ладно, я не про мамку у тебя спрашиваю. Меня дочка интересует. Как ее?

— Кира Стрижак.

— Ну и что она?

— Да ничего... Так в ментовке и служит. Сейчас уж не такая стала, не кровь с молоком, как раньше. Заматерела, обозлилась, и замуж никто не взял. Да и то, найди дурака, чтоб на погонах жениться! А мамка ее на пенсию ушла. Так и живут вдвоем в одной квартире. Как быстро время идет, поди ж ты... Десять лет...

— Ну это кому как. Для меня эти десять лет вечностью тянулись, Климушка.

— Ну понятно... Я, когда вчера Тайку увидел... Как вы ее привезли... И не узнал бы, правда. Такая пигалица была... А сейчас...

— Тихо, Клим. Дальше уже не твоя территория. Ты меня понял?

— Понял, понял... Простите, Филипп Сергеич.

— И хорошо, что понял. И вообще... Запомни раз и навсегда — Тайки больше нет. Она тебе не Тайка.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А кто? — обалдело сморгнул маленькими глазками Клим.

— Конь в пальто. Хозяйка она тебе. Жена моя.

— Да понял я, понял, Филипп Сергеич... Прости дурака...

— Ладно, проехали. И вот еще что, Климушка... Ты проследи на всякий случай, чтобы к Тае никто близко не подходил. Чтоб никаких Настинных одноклассников и прочей шушеры даже близко не наблюдалось. Думаю, на месяц твоего пристального внимания хватит?

— А чего на месяц-то? Я могу и дольше...

— А дольше и не понадобится. Через месяц я завершаю все дела, в Испанию с молодой женой уезжаю. Я там дом купил, на берегу моря... Покоя хочу. Любви хочу. Хоть немного в покое прожить, что мне осталось...

— Счастливый вы, Филипп Сергеич. Завидки берут, аж печень шевелится.

— Ну и зря... Печенью шевелить вредно, желчью захлебнешься. А хочешь, я тебя с собой возьму, Климушка? За верную службу? Будешь у меня этим, как его?.. Мажордомом. А что? Неплохая идея, кстати. Подыщем тебе в пару горячую испанскую мажордомку... А? Как тебе моя идея?

Умягчение злых сердец

— А что, я с благодарной душой, Филипп Сергеич!.. Я согласен. Здесь меня, кроме грехов, ничего не держит. И никто не держит. А мажордомка — это хорошо... Только мне бы не очень старую, да помясистей. Чтобы с крупом была. Я слышал, испанские бабы — они такие.

— Найдем, Климушка, найдем, не переживай. И с крупом найдем, и с мясом.

— Ага...

Они переглянулись коротко, заржали громко, в унисон. И тут же посерьезнели, будто отделились друг от друга на допустимое субординацией расстояние. За окном машины уже неслись городские строения, и Рогов откинул голову на подлокотник, собираясь с мыслями.

Да, десять лет... Долгих десять лет прошло. И пусть еще один месяц пройдет, всего один месяц... И все, и все! Он свободен, он счастлив!

А забавная была эта дознавательница, если вспомнить, если открутить назад десять лет... Как бишь ее? Кира Стрижак. Не повезло этой Кире — только приступила к честной ментовской службе, и вроде задницу надо рвать, чтобы перед начальством с хорошей стороны показаться, а тут на тебе — труп одноклассницы... Город маленький, по ранжиру и штат в ментовке ма-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ленький, на каждый труп отдельного дознавателя не назначишь. Кто будет разбирать — одноклассница, не одноклассница... Иди делай свое дело, помалкивай. Да, не повезло этой Кире... Каково ей было тогда, десять лет назад? Трудновато, поди?

Да уж, десять лет... Если представить... Если повернуть время вспять...

ЧАСТЬ II

— ...Мам, давай я сама, ладно? Мы ж договаривались, что ты не будешь меня опекать! Я понимаю, что первые дни работаю, и все такое... А из-за тебя весь райотдел надо мной смеется!

Кира Стрижак остервенело намазывала масло на хлеб, так же остервенело сверкала на мать глазами. Самой было противно от собственной остервенелости, но что делать, если по-другому никак?

— Да разве я тебя опекаю, с чего ты взяла? Я просто подсказываю... А как ты хотела? Ты ж неумеха еще, слепой кутенок! Вот наберешься опыта, мне подсказывать будешь... А пока...

— Мам, все начинают с нуля, и я начну. Ты же знаешь, я девушка упорная.

— Знаю, знаю... Не все так умеют — биться головой в одну и ту же дверь. Причем четыре года подряд.

— Это ты на мое поступление в юридический намекаешь, что ли? Ну да, поступала четыре

ВЕРА КОЛОЧКОВА

года подряд... Но ведь поступила же! И окончила! И практику, между прочим, прошла! И не где-нибудь, а в убойном отделе большого областного города!

— Что ж ты там не осталась, в большом областном городе? Что ж к матери-то приехала?

— Так ты ж сама настояла!..

— Ну да. Так и есть. А что мне оставалось делать? Ты ж моя кровиночка, хоть и вредная.

— Сама себе противоречишь, мам.

— Ага, противоречу. А еще не понимаю — почему мы опять ссоримся? Делать нам нечего, что ли?

— Да потому и ссоримся, что ты все время впереди паровоза бежишь! Не надо меня опекать, пожалуйста! Я уже не маленькая, мне двадцать семь лет!

— Вот именно. Лучше бы о семье задумалась, чем с матерью спорить. Твои одноклассницы, глянь, уже не по одному ребенку успели родить!

— Мама-а-а-а... — закатила к потолку глаза Кира, отодвигая от себя чашку с кофе.

— Ладно, не мамкай. И вообще, нам пора из дому выходить. Сорокин страшно не любит, когда опаздывают. Пыжится изо всех сил, не успел наиграться начальственным положением.

Умягчение злых сердец

— А по-моему, он очень даже на своем месте... И не такое уж у него положение, подумаешь, начальник отдела дознания!

— Ты сначала дослужись хотя бы до такого, потом рассуждай... Ладно, идем!

— Ты иди, мам, я чуть позже из дома выйду.

— Кира! Ну, это уж совсем крайности! Что, с матерью пять минут по улице пройти нельзя? Думаешь, мне не обидно?

— Да на нас же все смотрят! Может, нам еще ать-два в затылок шагать? Династия Стрижак пошла службу служить? Расступитесь, дайте дорогу подполковнику Валентине Михайловне с дочкой. А еще песню можно запеть, строевую! Наша служба и опасна и трудна! И на первый взгляд, конечно, не видна! Если кто-то кое-где у нас порой...

— Господи, что у тебя в голове, Кирюшка? Как маленькая... — рассмеялась Валентина Михайловна, откинув назад голову, — а поешь хо-рошо, зараза...

Кира глянула на мать, улыбнулась. Какая она все-таки... Основательная женщина. Крупная, грубоватая, как мужик, ни дать ни взять Васса Железнова в милицейских погонах. И в то же время до ужаса обаятельная! И смеяться умеет так, что вся обида в один момент куда-то улечивается.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ладно, идем. А то и впрямь опоздаем, — допив кофе, вздохнула Кира миролюбиво. — Но все равно про Сорокина плохо не говори, он хороший дядька.

— Павел Петрович-то? Конечно хороший. А я разве спорю? Он не просто хороший, он отличный дядька. К плохому бы я тебя в подчинение не пристроила.

— Ну вот, опять...

— Лучше бы спасибо сказала, глупая.

— Спасибо, мама! — шутовски поклонилась Кира, вставая из-за стола.

— На здоровье, доченька. Где мой портфель? А, вот он... И очки... Ой, время, время... Черт, все-таки опаздываем.

Они действительно опоздали. Павел Петрович, начальник отдела дознания, выразительно глянул на часы, потом указал глазами Кире на стул — садись, мол. И вдруг улыбнулся, покачав головой:

— До чего ж вы с мамкой похожи, прямо одно лицо, как под копирку... Если еще и мозгами похожи, и вообще, всеми остальными деловыми качествами... Ты хоть знаешь, какие про твою мамку у нас легенды ходят?

— Знаю, Павел Петрович. Но мне бы хотелось, чтобы нас... не сравнивали. Я сама по себе, мама сама по себе.

Умягчение злых сердец

— Что ж, понимаю... Похвально, похвально. Ну, тогда вперед. Ты ведь, наверное, Рогова знаешь? Фамилия на слуху?

— Это который местный владелец заводов, газет, пароходов?

— Каких еще пароходов? Нет у него никаких пароходов... И газет нет...

— Да это расхожее выражение, Павел Петрович. Цитата из детского стишка про мистера Твистера. Поэт есть такой, Самуил Яковлевич Маршак, слышали?

— Нет, не слышал. Я в детдоме вырос, мне там стихов не читали.

— Извините...

— Да ладно, мистер Твистер, говоришь... Ну, значит, этот Рогов и есть мистер Твистер. То есть Филипп Сергеевич Рогов, владелец цементного завода, нашего самого значительного градообразующего предприятия.

— А что с ним случилось?

— Да не с ним... С ним-то как раз все в порядке. Дело в том, что ночью у него в доме женщина молодая скончалась, то ли невеста, то ли сожительница временная. Не знаю. Некая Анастасия Викторовна Ковалева, двадцати семи лет от роду. Проживала в доме с ребенком, с девочкой восьми лет... Этот Рогов — вообще темная лошадка, замкнуто жил, один в большом доме,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

как сын, а потом вдруг эта Анастасия откуда ни возьмись появилась. В общем, ты сейчас поезжай туда, посмотри своими глазами, что да как. Может, сам Рогов ее и грохнул.

— Серьезно?

— Да не, это я так... Зачем ему, если жениться на ней собирался? Ну или просто гражданским браком жить.

— А... Что медики говорят, Павел Петрович?

— Медики говорят, что у покойной был перебор со спиртным. Весьма крутой перебор. Столько в себя влила, что бывалому мужику не под силу.

— Да что вы говорите, Павел Петрович! Не может этого быть!

— Это почему же?

— Да потому... То есть я хочу сказать... Понимаете, Настя вообще не пила.

— Что? Какая Настя? Не понял?

— Настя... Анастасия Викторовна Ковалева... Это моя одноклассница, Павел Петрович. Город у нас маленький, что делать... Все друг друга знаем...

— Понятно, понятно. Что ж, прими мои соболезнования, если так. Дружила, поди, с ней в школе-то?

— Нет, не особо... Знаете, ей операцию на сердце в восьмом классе делали, она вообще ни

Умягчение злых сердец

грамма не пила, нельзя ей было. Не может быть, чтобы она...

— Вот иди и проверь, в чем там дело. Действительно, не бывает так, чтобы баба чистая трезвенница была, а потом взяла и до смерти наклюкалась. Опроси там всех, прислугу, охрану, кто что видел, слышал... И в поликлинику сходи, карточку медицинскую изучи. И с Роговым — аккуратнее будь. Тот еще черт рогатый. Что узнаешь — все мне доложишь, я сам решение принимать буду. Давай, действуй... Только смотри, не переусердствуй. Сама ж говоришь — мистер Твистер... А с разного рода мистерами всегда бывают проблемы, еще нам жалобы в область не хватало. Ты меня поняла, надеюсь?

— Да, я поняла, Павел Петрович.

— Вот и отлично. Ты за рулем? А то у нас нынче с транспортом напряженка.

— Нет, Павел Петрович, я не за рулем.

— Значит, вы обе с мамкой безлошадные?.. Сколько я ей говорил — купи машину, научись водить! А она — некогда, некогда... Упертая, как ослица! Ты такая же, поди?

— Не знаю.

— Ладно, поживем — увидим. Я сейчас распоряжусь, будет тебе машина. Но на будущее запомни — удобнее иметь свою. Хоть плохонькую, но свою, поверь моему опыту.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Спасибо...

— Иди, иди.

Водитель служебной машины Гоша лихо вырулил на проезжую часть, но на повороте затормозил, глянул на Киру озадаченно.

— Что, Гош? В чем дело? Дорогу не знаешь? Нам за город, к дому Рогова.

— Да знаю я дорогу. Я просто хотел попросить... Очень попросить...

— О чем? Да говори, не смотри на меня так жалобно!

— Понимаете, мне к мамке в больницу заскочить надо. Это ненадолго, я у больницы остановлюсь, быстро сбегаю, десять минут туда-обратно! Мамка утром звонила, просила теплую кофту привезти. Ей операцию сделали, теперь мерзнет... На улице жара, а она мерзнет.

— Ладно, заедем в больницу.

— Спасибо, Кира... Ой, как вас по батюшке-то?

— Да ничего, можно без батюшки.

— Ну как же... Знаете, как я вашу маму уважаю? Вы так на нее похожи! Валентина Михайловна — она ж это... Такой человек... Можно сказать, легенда.

— Поехали, Гоша, поехали! Потом про мою маму рассказывать будешь.

Умягчение злых сердец

Приткнув машину около ворот в больничном двореке, Гоша, подхватив с заднего сиденья пакет, резво поднялся на крыльцо, скрылся за больничными дверьми. Кира открыла дверь, шагнула наружу, вдохнула полной грудью; хорошо-то как, лето в разгаре, жара. Из больничных окон пахнет убежавшим с плиты молоком, к нему примешивается еще какой-то знойный одуряющий дух вроде карболки. А вместе получается адский коктейль, аж в носу щиплет. Но — на то и больница. Здоровому человеку не нравится, больной человек запахов не замечает. Как говорится, каждому свое. Сегодня ты здоров, а завтра болен. Или вообще, как Настя Ковалева...

Но жизнь есть жизнь. Вот она, во всей красе. Лето, жара, запахи. И пух тополиный на ветру вьется. И медсестрички на крыльцо выскочили — покурить. Озираются испуганно, чтоб не застучали. Да, это жизнь... А Настя Ковалева умерла...

— Ой, здравствуйте...

Кира вздрогнула, обернулась на голос. Пожилая женщина стояла сбоку от нее, улыбалась так радостно, что поневоле пришлось улыбнуться ей в ответ.

— Здравствуйте... — сказала Кира.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ой, а вы ведь дочка Валентины Михайловны Стрижак? Правильно?

— Да, правильно. А в чем дело?

— Да ни в чем... Я просто так спросила. Я к мужу в больницу иду. Смотрю, вы стоите рядом с милицейской машиной, я и спросила... Значит, вы теперь вместе с мамой в милиции работаете, да?

— Работаю, да...

— Ой, ну надо же! А я вас еще маленькой девочкой помню! А мама у вас... Я так ей благодарна, так благодарна! Она ж моего мужа от тюрьмы спасла! Все кругом говорили: виноват, виноват, а она доказала, что не виноват. Наперекор всем. Привет ей передавайте обязательно! Скажите — от Анны Игнатьевны Колышкиной. Она должна помнить...

— Хорошо, я передам.

— Спасибо... Ой, как вы на маму-то стали похожи! Прямо одно лицо. А чего вы тут, у больницы-то? Не заболели, часом? Или мама ваша, не дай бог, заболела?

— Нет, со мной все в порядке и с мамой тоже. Извините, нам ехать пора.

Кира нетерпеливо махнула рукой Гоше, который остановился на больничном крыльце, чтобы перекинуться парой слов с медсестричка-

Умягчение злых сердец

ми. Кира шагнула к машине, села, раздраженно хлопнув дверью.

Нет, правда достали! Все в один голос — похожа, похожа! Наверное, думают, что ей ужасно приятно это слышать! Никто не спорит, конечно, что это неплохо — быть зеркальным отображением родной матери. Наоборот, вполне нормально. А с другой стороны... На всю жизнь, что ли, оставаться бледной копией? А как быть с индивидуальностью, с неповторимостью отдельно взятой личности?

Тем более если приглядеться, не так сильно и похожа... По крайней мере, все силы были приложены, чтобы уничтожить на корню эту генетическую похожесть. У мамы, к примеру, стрижка короткая и уже седая, а у нее — длинное черное каре. Конечно, это каре ни с какого боку не лепится к ее образу, потому что круглое лицо, как ни крути, само просит короткую стрижку. И возни с этим каре много, каждодневной утренней укладки требует. Но... Пусть будет каре. И линзы в глазах пусть будут. И тоже с этими линзами — сплошное утреннее мучение. Очки проще носить, ясен пень. Но! Но... Мама уже носит очки.

А еще бы похудеть, конечно. Пробовала, не получается. Никакими диетами не уничтожишь крепкую крестьянскую статью, унаследованную

ВЕРА КОЛОЧКОВА

по материнской линии. И у мамы такая же стать, и у бабушки покойной такая была... И в школе она из-за этого ужасно комплексовала. Все девчонки худенькие, в чем душа держится, а с нее хоть скульптуру для городского парка лепи, не ошибешься. «Девушка с веслом» называется. Вот Настя Ковалева очень худенькая была...

Не только худенькой она была, но и самой красивой девчонкой в классе. Самой больной и самой красивой. Маленькая, трогательная, с огромными голубыми глазами на бледном лице. Мало двигалась, мало разговаривала, несла в себе покорное страдание больного сердца. Надо сказать, красиво несла — выделялась нежной орхидеей среди здоровых и сочных, но таких обыкновенных стеблей. К тому же Настя была сиротой, ее бабушка воспитывала. Может, потому Севка Марычев в нее и влюбился без памяти, просто с потрохами увяз в этой жалко сиротской болезненной хрупкости.

А потом Насте операцию в восьмом классе сделали, и здоровье немного выправилось, какой-никакой румянец на щеках заиграл. Говорили, не совсем выправилось, но жить можно, если организм от лишних стрессов беречь. Вот Севка и оберегал Настин организм, как умел. Старался до одури. Пылинки сдувал, домой провожал, утром у дома встречал, портфель из

Умягчение злых сердец

рук выхватывал. Да не тут-то было, как выяснилось... Настя вдруг осознала свое новое относительно здоровое положение, вздохнула свободнее и быстро новый роман с десятиклассником закрутила, а Севку — побоку. Он жутко страдал. Ходил за ней по пятам как дурак. Настя с кавалером в кино — и он в кино. Настя на дискотеку — и Севка туда же.

И все это было бы не так грустно, если бы параллельно другая трагедия не разворачивалась. Трагедия по имени Светка Малышева, тоже одноклассница, беззаветно влюбленная в Севку. И совсем не красивая, и вовсе не орхидея, хоть и худая. Видимо, худоба худобе рознь, что ж поделаешь. Настина худоба была нежной, а Светкина — злой, как сучок на дереве. И характер у Светки был нервный, издерганный. Видимо, от неразделенной любви. Севка нес знамя своей любви с гордостью, не замечая насмешек, а Светка страдала от унижения. И злилась, будто кто-то был виноват...

Однажды Кира с подружкой Лизой решили Севке глаза открыть — вроде как из лучших побуждений, чтоб не позорился. На школьной дискотеке это было. Севка сидел один, смотрел, как Настя обнимается с новым парнем в медленном танце. Страдал...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Севка, ну ты совсем идиот, что ли? — начала Лиза. — Ты хоть в другую сторону смотри.

— Зачем? — поднял Севка на Лизу отчаянный взгляд.

— Ну, ты точно идиот!.. Затем, что у них своя свадьба, а у тебя должна быть своя. Отвернись, не смотри. Не унижайся.

— Так я же... Я боюсь, а вдруг он ей больно сделает? Он так ее сильно руками обхватил.

Лиза вздохнула, подняла брови, медленно качнула головой. Потом, глянув с хулиганским прищуром на Киру, вдруг выпалила:

— Севка, а когда он ее трахать будет, ты что, станешь в окно подглядывать и переживать, чтобы больно не сделал? Учти, он на пятом этаже живет... Если свалишься — костей не соберешь.

Лиза смеялась громко, довольная своей жестокой шуткой. Кира тоже улыбнулась смущенно, хотя ей было до ужаса жалко Севку. И вдруг обернулась, почуввав на спине чей-то колючий взгляд. И Лиза тоже обернулась, потянула Киру за руку:

— Слушай, надо сматываться отсюда, иначе Светка Малышева нас испепелит. Пойдем, освободим ей место. Пусть Севку с поля боя вытаскивает. На войне, говорят, раненые солдаты потом женились на медсестричках, которые их спасли. Может, и Светке перепадет ненароком

Умягчение злых сердец

от Севкиной благодарности. Надо же, какие страсти-мордасти, ага? Бразильский сериал, ни больше ни меньше.

Они и предположить не могли, что бразильский сериал только начинался. Потом еще много всего было, и до драк дело дошло. Севка дрался с Настиным кавалером, сначала с одним, потом с другим, потом с третьим... Потом Светка где-то зацепила Настю, платье на ней порвала. Настина бабушка приходила в школу, просила перевести Настю в параллельный класс... Так и бегали до выпускных экзаменов по заведенному кругу — Севка за Настей, Светка за Севкой, и не могли никуда прибежать. Все кончилось тем, что Настя после экзаменов уехала в Москву, счастье искать, красоту свою белую орхидейную удачно пристраивать. Бабушка ее не пускала, но Настя тайком уехала. Только записку оставила: «Я в Москве отцовых родственников найду». Бабушка потом плакала — каких, мол, родственников, нет у нее никаких родственников... Мать, мол, Настю в подоле принесла и потом бросила, и сама сгинула где-то.

А Светка своего добилась, достался-таки ей Севка, от горя после Настиного бегства едва тепленький. Умудрилась Светка и забеременеть, и свадьбу скороспелую по этому случаю сыгра-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ли. Когда сын родился, Севка из горя на белый свет вынырнул, огляделся, жить начал.

Про Настю Кира ничего не знала. Правда, слышала от Лизки, что Настя вернулась, и не одна, а с дочкой. Якобы Лизка видела ее на рынке — довольная была, и вещи на ней дорогие и стильные. Остановились, перекинулись парой фраз... Настя похвасталась, что замуж выходит. А за кого — не сказала. Стало быть, за Рогова Настя замуж собиралась... Владельца заводов, газет, пароходов.

Сейчас поглядим, что это за владелец. И как так Настя могла столько алкоголя хватануть, сколько здоровому мужику не под силу. С ее-то больным сердцем. Почти приехали, вон крыша роговского дома из-за дубовой рощи видна.

А хорошо устроился владелец, ландшафт вокруг дома — просто обалденный. И сам дом тоже. Не дом, а сказочный дворец с башенками. Хотя... Слишком громоздкий для сказочного. Слишком амбициозный. Веет от него холодом и надменностью. И смертью... Бедная, бедная Настя! Как же ее угораздило...

Ворота оказались закрытыми, и Кира долго жала на кнопку звонка, пока не услышала щелчок и последовавший за ним бесстрастный мужской голос:

Умягчение злых сердец

— Открываю, въезжайте... Прямо по дороге к главному входу. Я вас встречу.

Ворота разъехались, и открылась во всей красе великолепная аллея из голубых елочек, так плотно стоящих друг к другу, что, казалось, машина едет сквозь холодное дождевое облако. Все-таки когда великолепия много, это уже перебор. Похоже, тут со всеми обстоятельствами перебор, и с хозяйскими амбициями тоже.

По ступеням высокого крыльца медленно спускался мужчина, держа руки в карманах брюк. Улыбался вежливо.

Наверное, очень редко можно встретить человека, которому вежливая улыбка в принципе противопоказана. Потому что вежливость, проявленная в такой улыбчиво лживой тональности, рождает обратное впечатление — будто тебя послали далеко и надолго, угрожающе трехэтажно и злостно-вычурно. И ничего ведь не скажешь в ответ, и более того, сам по-дурацки улыбнешься, следуя канонам навязанной вежливости. Хотя вовсе не хочется им следовать...

— Здравствуйте... — вышла из машины Кира, кивнув мужчине. — Вы Рогов Филипп Сергеевич?

— Нет, что вы... — через короткий смешок ответил мужчина, окинув ее нахальным взглядом с головы до ног. — Я всего лишь охранник

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Рогова Филиппа Сергеевича, а еще водитель по совместительству. Но мне приятно, что вы обознались... А вы разве не местная? Вроде в этом городе Филиппа Сергеевича каждая собака в лицо знает.

— Почему же? Я местная. Но, уж извините, лицо Филиппа Сергеевича до сегодняшнего дня мне было неинтересно. Разрешите представиться — дознаватель Кира Владимировна Стрижак. Вот мое удостоверение.

— Очень приятно. А я Скуратов, Клим Андреевич. Можно просто Клим, отчество мне без надобности. И удостоверение тоже спрячьте, я вам верю.

Кира чуть кивнула, вдруг подумав — как этому чудовищу подходит его короткое односложное имя. Сермяжное, грубое, безжалостное, словно удар ножа. Обманчивое, как давешняя улыбка. И очень удобное, кстати, для бандитского погоняла. Тем более, если следовать теории Ломброзо, вид у него вполне бандитский — бритоголовый, узколобый и востроглазый. Надо будет потом пробить по базе, что это за Клим.

— А Филипп Сергеевич дома, надеюсь? — отвела Кира глаза, не выдержав нахального взгляда Клима. — Могу я с ним побеседовать?

— Нет, хозяин сейчас в городе, у него срочные дела. Но он знал, что вы приедете, и пото-

Умягчение злых сердец

му поручил мне ответить на все ваши вопросы. Прощу в дом, пожалуйста. Я готов вам все показать, все рассказать.

— А что именно вы хотите мне показать и что рассказать?

— Ну... Вы же по поводу Настиной смерти приехали?.. Разве не так?

— Да, так.

— Вот я и говорю... Идемте.

Он развернулся, начал медленно подниматься по ступенькам, по-прежнему не вынимая рук из карманов. А брюки-то на нем дорогие, кстати. Стрелки идеально отглажены. И рубашка из дорогих, и галстук... Но затылок все равно бандитский, будто на нем клеймо поставлено. Да уж... Хоть и спорная теория Ломброзо, но в данном случае ни убавить ни прибавить.

Кира вслед за Климом вошла в дом, огляделась. Гостиная была огромной, но не сказать, чтобы очень уютной. Все основательно, все дорого, и все само по себе, как в музее или выставочном зале, где вещи конкурируют друг с другом за право быть приобретенными в приличный богатый дом. Клим быстро прошел по гостиной, начал подниматься по широкой витой лестнице, ведущей на второй этаж. Обернулся, сделал рукой приглашающий жест:

— Нам сюда.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Кира поднялась вслед за ним. Клим привел ее в небольшую комнату, щедро освещенную солнцем, и оттого, казалось, более уютную. Все пространство комнаты занимали мягкий диван, кресло, журнальный столик и большой плазменный телевизор.

— Вот, значит... В этой комнате Настасья и померла... — констатировал Клим, присаживаясь на мягкий диван. — Вот в этом самом кресле... Она эту комнату больше всего любила. Часто здесь сидела, когда хозяина дома не было. Я тут, кстати, ничего не трогал. «Скорая» приехала, смерть констатировала, потом тело увезли. А все остальное как было, так и есть.

Под «всем остальным» Клим, вероятно, имел в виду пустые бутылки на столе и стакан толстого стекла, в котором болтались остатки выпивки. Кира наклонилась, чтобы рассмотреть этикетки на бутылках, и Клим начал угодливо перечислять, показывая на каждую бутылку пальцем:

— Это водка финская, это шотландское виски, это вино грузинское, а это шампанское... Я думаю, она с шампанского начала, потом начала вином догоняться. А потом и до виски с водкой дело дошло. Еще в баре коньяк французский был, коллекционный. Бутылки уже нет, не знаю, куда делась. Надо на территории поискать. Настасья вечером гуляла, может, и успе-

Умягчение злых сердец

ла приложиться, а потом здесь продолжила. Не знаю, не могу в точности утверждать, как все было.

— Она что, много пила? — осторожно спросила Кира, выпрямляясь.

— Да не то чтобы... А вообще, я не знаю. Сами понимаете, не мое это дело, за хозяйской жизнью подглядывать. Да и недолго Настя здесь пробыла... Три месяца назад в доме появилась. Вместе с дочкой.

— А дочка сейчас где?

— Так хозяин ее к сестре своей утром отправил, чтобы не травмировать ребенка, сами понимаете.

— Какие отношения были у Насти с Роговым?

— Да нормальные, какие... Он вроде жениться на ней собирался. Но вы лучше у него об этом спросите.

— Вчера вечером Рогов был дома?

— Нет, он поздно приехал, уже ночью. А Настя весь вечер по дому ходила, не в себе была, будто расстроенная чем. А потом сидела тут, в кресле, телевизор смотрела. Я внизу сидел, слышал, как телевизор громко орал, там какой-то концерт показывали. А Настя подпевала — тоже громко. И явно невпопад, простите за подробность. Видать, сильно выпимши была. Ну

ВЕРА КОЛОЧКОВА

а потом затихла... Я думал, она заснула. И Филипп Сергеич, когда приехал, тоже ее будить не стал. Пошел к себе спать.

— А дочка?

— Тайка-то? А чего ей? Тайка спала у себя в комнате, в другом конце дома. Там телевизора не слышно, стены толстые.

— А вы, значит, слышали?

— Ну да... Я внизу сидел, в холле, футбол смотрел.

— А кто труп обнаружил?

— Так утром домработница Мария зашла в эту комнату. Хотела убраться, потом заподозрила неладное. Позвала меня, я Филиппа Сергеича разбудил.

— А домработница где сейчас?

— Так здесь, в доме. На кухне, наверное. Позвать?

— Да, позовите.

— А я вам больше не нужен?

— Нет...

— Тогда я отъеду по делам? А если вдруг еще что-то посмотреть захотите, то в будке у ворот еще один охранник есть... Его Павлом зовут.

— А он... Был в доме, когда?..

— Нет, не был. Да он вообще пять минут назад приехал, аккуратно перед вами. Три дня отпуска брал, на свадьбу к сестре ездил, поэтому

Умягчение злых сердец

ничего пояснить вам не сможет. Да, кстати, я же хотел сразу вам сказать, да запомятовал! Там ведь записи на камерах есть... Можете глянуть на всякий случай... Если вам интересно, конечно. А если неинтересно, я не настаиваю. От чистого сердца хотел помочь дознанию.

— Спасибо, я гляну.

— Ага. Тогда я пойду, ладно?

— Хорошо, идите.

Клим ушел, Кира осталась одна в комнате. На мгновение ей стало не по себе — никак не складывалась в голове картинка, описанная Климом. Чтобы Настя Ковалева, нежная белая орхидея, сидела со стаканом спиртного в руке и громко подпевала телевизору?.. Нет, не может быть. Не ее стиль поведения. Кого угодно можно представить со стаканом и пением, только не Настю.

— Вы меня звали? — услышала она в дверях робкий голос.

— Да, звала, проходите...

Пожилая женщина робко ступила через порог, вытирая руки фартуком. Руки были давно сухие, но она все елозила по ним тканью фартука, напряженно глядя на Киру.

— Садитесь... Садитесь на диван. Вы не волнуйтесь так, пожалуйста.

— Да как не волноваться, если человек умер?..

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Я вас понимаю. Но все-таки вам нужно будет ответить на мои вопросы. Как вас зовут?

— Мария... Мария Тимофеевна Воскобойникова. Домработница я. Убираю, стираю, готовлю.

— Давно вы здесь работаете?

— Да уж года два, наверное. Я не подсчитывала.

— Скажите, Мария Тимофеевна... Вы первой обнаружили, что Настя мертва?

— Да, я первой... Так уж получилось. Я убраться хотела, я думала, в комнате никого нет, хоть и телевизор орал. Я думала, с вечера забыли выключить. Обычно Настя в спальне ночевала, с хозяином. Ой, что-то я не то говорю, да?

— Все нормально, Мария Тимофеевна. Расскажите, как вы ее обнаружили.

— Так я вошла, она в кресле сидела... Голова набок запрокинулась, а в руке стакан держала, вот этот самый, что на столе. То есть стакан на подлокотнике был, она его вроде как пальцами обхватила. Я думала, она спит... Потом взгляделась и поняла... И Клина позвала...

— Понятно... А скажите, Мария Тимофеевна, Настя часто пила?

— Да нет вроде... Хотя не могу утверждать, не знаю...